

История с извинением

В докладе Н.С. Хрущева 25 февраля 1956 года И.В. Сталин был представлен партии как человек, чуть ли не проклятый В.И. Лениным. Ударным моментом докладчик сделал опубликование двух текстов: письма Н.К. Крупской Л.Б. Каменеву о ссоре со Сталиным (23.12.22) и письма Сталину (05.03.23) с требованием извиниться и угрозой в противном случае «порвать между нами отношения».

Хрущев эффектно оборвал на этом освещение страстей вокруг больного вождя, создав четкое впечатление отлучения Сталина с 5 марта 1923 года, день в день (прямо мистика какая-то!) за 30 лет до его кончины.

Причины, обстоятельства (предшествующие и последующие) и детали Хрущева не занимали. Сталин, как бы «по Ленину», умерщвлялся морально. Этого добились, по меньшей мере, в большинстве среднего и ряде младших поколений. Сталину предстояло долго и с неимоверным трудом воскресать для истории. Никто не знал о научной несостоятельности и партийно-уставной нелегитимности хрущевского поступка. Если у Д.П. Шепилова в те 2,5 дня, которые он готовил доклад, *никаких других* материалов, кроме текста академика П.Н. Поспелова, не было, то речь идет о полнейшей безответственности в решении вопросов поистине эпохального значения, о бездумном распоряжении делом и судьбами сотен миллионов людей. Если доклад не рассматривался и не отшлифовывался компетентным руководящим коллективом, то речь идет о самодурстве и преступлении перед партией. (См.: «И примкнувший к ним Шепилов. Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998. С. 124–126). Так партийно-оценочные документы даже во времена, которые «демократы» и оппортунисты величают «худшими», не готовились. Если КПСС уже в 50-х годах отдала себя в руки человека, который осчастливил своих подчиненных резолюцией на документе «Азнаковица», то это свидетельствовало об общем неблагополучии, которое, подобно смогу, висело над партией и страной десятки лет.

Еще в начале XX века в звучащей изумительно современно книге «Что делать?» (1902) Ленин показал, откуда в международном социал-демократии в противовес ее исконно марксистскому, революционному крылу взялось направление с требованием «из партии социальной революции превратиться в демократическую партию социальных реформ». Это требование с неизбежностью «сопровождалось не менее решительным поворотом к буржуазной критике всех основных идей марксизма. А так как эта последняя критика велась уже издавна против марксизма и с политической трибуны и с университетской кафедры, и в массе брошюр и в ряде ученых трактатов, так как вся подрастающая молодежь образованных классов в течение десятилетий систематически воспитывалась на этой критике, — констатировал Ленин, — то неудивительно, что «новое критическое» направление в социал-демократии вышло как-то сразу вполне законченным, точно Минерва из головы Юпитера. По своему содержанию, этому направлению не приходилось развиваться и складываться: оно прямо было перенесено из буржуазной литературы в социалистическую».

Аналогично и Хрущев не выдумывал пороха. Хоть как-то «азнаковица» с марксистскими первоисточниками он, по рассказам окружающих, смог только с середины 60-х годов, оказавшись на покое. Основные «критические» аргументы разнообразные его помощники будут выуживать из обширной троцкистской «сталинианы» и не проявят оригинальности. Хрущев выполнит в истории коммунистического движения роль Пандоры со шкатулкой, содержимое которой ему плохо известно. Его собственное полубессознательное троцкистское прошлое сыграло в деятельности этого невежественного человека незначительную роль. Был такой грех, и Хрущев, действительно, «страдал» за принадлежность к оппозиции в 1922 и 1923 годах, но выступал жертвой не приверженности теории «диктатуры партии» и «перманентной революции», а всего-навсего принадлежности к пестроликому мешанству. Антисталинские мотивы с его легкой руки были внесены в официальную советскую пропаганду из *уже имевшейся* троцкистской. Наши разоблачители-публицисты в лучшем случае занимались ее аранжировкой.

Ленин «отказал от дома Сталину», а мы, бедные, обрелись в неведении. Партийный обыватель вмиг угадал в этом перст судьбы и повел себя соответственно. Началась беспрецедентная (Россия редко отличалась чувством исторической меры) клеветнически-самоедская кампания, тянувшаяся свыше трех десятилетий и приведшая к краху КПСС.

Внесем в разбираемый процесс необходимую фактическую ясность. Мы знаем, что Ленин при его самоощущении не был уверен, что сумеет доложить политические итоги XI съезду. По его окончании Владимир Ильич собрался выехать на Кавказ. «...Мне надо поселиться **отдельно**. Образ жизни больного, — писал он Г.К. Орджоникидзе (09.04.22). — Разговора даже втроем я почти не выношу (однажды были Каменев и Сталин у меня: **ухудшение!**)... Посещений быть не должно...» (Ленинский сборник XXXVII. С. 359–360). Майский удар, относительное выздоровление к осени и резкое ухудшение состояния в декабре потребовали чрезвычайных мер. Поэтому пленум ЦК 18.12.22 принял решение возложить на Сталина «персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений, так и переписки» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191). Легко представить себе возмущение Сталина, когда он узнал, что вопреки предписанному режиму Крупская спустя несколько дней приняла от Ленина диктовку, — письмо Л.Д. Троцкому 21.12.22, — потребовавшую огромного напряжения психики, физических и интеллектуальных усилий. Последующие «доброхоты» пересказывали этот разговор с разными озадачивающими подробностями, драматург М.Ф. Шатров (автор известной застойной «Ленинианы», а ныне преуспевающий деятель строительного бизнеса) приписал Сталину площадную брань, но все выглядело, вероятно, проще. Крупская крепко обиделась, когда Сталин напомнил ей о существовании ЦКК, которая призвана пресекать нарушения решений ЦК.

Историки неизбежно грешили против истины, выдумывая идеальных действующих лиц исторического процесса. В описываемой ситуации за Надеждой Константиновной традиционно сохранялся презумпция непорочности. Но вряд ли это справедливо. По свидетельству сестры Ленина М.И. Ульяновой, Крупская после разговора со Сталиным «была не похожа на себя, рыдала, каталась по полу и пр». (Известия ЦК КПСС. 1989. №12. С. 198). Нельзя не сочувствовать ей, учитывая ту невероятную нервную напряженность, в которой ей приходилось жить не один месяц. Но, как и во всем, здесь есть другая сторона. Крупская апеллировала к тем лицам, причем «как более близким товарищам», которым Ленин, продолжив 24 декабря «Письмо к съезду», дал недвусмысленно отрицательную **политическую** оценку. («Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшие Троцкому»). Апеллировала против Сталина, о котором было только сказано, что он, в силу черт своего характера, вряд ли сумеет «достаточно осторожно пользоваться» доверенной ему «необъятной властью».

Помимо проявлений истеричности и групповых пристрастий не избежала Надежда Константиновна и «синдрома непогрешимости». На XIV съезде ВКП(б) (18–31.12.25) она примкнула к Ленинградской оппозиции (Г.Е. Зиновьев и др.), но, попытавшись неосторожно учить делегатов правильному пониманию нэпа, натолкнулась на неожиданно мощный отпор. Не случайно после нее сочла необходимым выступить та же Мария Ильинична. «Товарищи, я взяла слово не потому, что я сестра Ленина и претендую поэтому на лучшее понимание и толкование ленинизма, чем все другие члены партии, — начала она, как бы поправляя невестку. — Я думаю, что такой монополии на лучшее понимание ленинизма родственниками Ленина не существует и не должно существовать» (XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. — Л., 1926. С. 299).

Сталину приписывается фраза, якобы сказанная в адрес Крупской: «Мы еще посмотрим, какая вы жена Ленина». Автор серьезной публикации на эту тему Ю.М. Лопухин считает, что произнесение такой фразы Сталиным «не исключено», между тем, драматург Шатров обыграл ее как якобы факт в максимально неприличной подаче. Лопухин усмотрел в данном заявлении Сталина намек «на старую дружбу с И.Ф. Арманд» (Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина. М., 1997. С. 29). Но сказать женщине, что она небезупречная жена своего мужа, вовсе еще не означает намекать на дружбу с кем бы то ни было.

Эпизод с Крупской нельзя было доводить до Ленина по меньшей мере по трем причинам. Сталин по существу был прав; больному могло стать хуже; Надежда Константиновна, согласно ленинской записке 05.03.23, «выразила согласие забыть сказанное...» Так вроде бы и шло поначалу. Но спустя 2,5 месяца, когда, казалось бы, все «перегорело», некто (верно ли, что проговорила сама Крупская?) информирует Ленина об этой ссоре и не без удовлетворения наблюдает результат. Почему я так пишу? Потому, что в политике и в среде политиков **личные** отношения, симпатии и антипатии практически всегда приобретают **всеобщий** резонанс; в этой среде всегда учитываются подчас даже мелочные последствия того или иного жеста и момент сообщения, подобного нашему, **не выбирается случайно**. Удар неплохо рассчитан: Сталин допустил промах, ставя под вопрос монополию внешней торговли; Сталин поторопился с автономизацией и погряз в «грузинском деле» (в обоих случаях, что необычно для Ленина, он ищет поддержки Троцкого); Сталин уже фигурирует в кандидатах на смещение, а тут еще, оказывается, и награбил Крупской. Но вот незадача. Ленин вспыхнул не на шутку, потребовал извинения и... сбавил тон. Причина, по-моему, не в том, что опять обострилась болезнь. Причина, так сказать, «общее». Для Ленина даже в отчаянном положении общественное оставалось выше личного.

Мария Ильинична указывает, что Крупская, услышав о письме Ленина Сталину 5 марта от стенографистки М.А. Володичевой, просила ее не посылать его адресату, но оно — правда, с некоторым промедлением все же было передано Сталину. Получив письмо 7 марта, Сталин тут же написал ответ. «Ответ Сталина несколько задержался, — вспоминала М.И. Ульянова, — потом решили (должно быть, врачи с Н.К.) не передавать его В.И., так как ему стало хуже, и так В.И. и не узнал его ответа, в котором Сталин извинялся». То, что Ленин так и не был с ним ознакомлен, лежит всецело на совести Крупской и ее советчиков.

Вот это послание:

«т. Ленину от Сталина.

Только лично.

т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: «Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем, Вы, Надежда Константиновна, оказываетесь, нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича» и пр.

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непростительное, предпринятое «против» Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрого Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н.Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего собственно от меня хотят.

И. Сталин. (Известия ЦК КПСС. 1989. №12. С. 199, 193).

«Ответ Сталина поразителен по прямолинейной циничности», — читаем мы у Лопухина (Болезнь... С. 29). Мне так не кажется.

Пример четы Лафаргов

20 ноября 1911 года Ленин выступал от имени РСДРП на похоронах Поля Лафарга, одного из пионеров научного коммунизма, и его жены Лауры, дочери Маркса. Полю к тому времени исполнилось 69, Лауре — 66 лет. Супруги держались того мнения, что в старости человек становится бесполезным для революционной борьбы и, считая 70 лет возрастом предельным, покончили с собой. Этот случай произвел глубокое впечатление на многих деятелей рабочего движения, в том числе на Владимира Ильича.

Сохранилась следующая запись секретаря Ленина Л.А. Фотиевой, относящаяся к концу 1922 года: «22 декабря Владимир Ильич вызвал меня в 6 часов вечера и продиктовал следующее: «Не забыть принять все меры достать и доставить... в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий как меру гуманности и как подражание Лафаргам...». Он прибавил при этом: «Эта записка вне дневника. Ведь вы понимаете? Понимаете? И я надеюсь, что вы это исполните». Пропущенную фразу в начале не могла припомнить. В конце — я не разобрала, так как говорил очень тихо. Когда переспросила — не ответил. Велел хранить в абсолютной тайне». (Известия ЦК КПСС. 1991. №6. С. 191).

Мысль иметь при себе яд была для Ленина не нова. Впервые он поделился ею со Сталиным под влиянием временной утраты речи и явления паралича 30 мая 1922 года. Тогда же Сталин передал содержание разговора М.И. Ульяновой. Не отказав Ленину в столь деликатной просьбе, Сталин постарался отвести его от ощущения безнадежности положения и — во всяком случае, до марта 1923 года — оказался прав.

С начала октября 1922 года Ленин вновь с головой ушел в работу. Многим уже казалось, что в строй вернулся прежний Ильич. В этом смысле показательным наблюдением А.М. Назаретяна (в то время заведующий Бюро секретариата ЦК), который писал Орджоникидзе (27.11.22): «Дела идут хорошо. Коба держится здорово твердо... Старик (партийная кличка Ленина. — Р.К.) жив, здоров, иногда немного прихварывает. В общем, ничего. Недавно выступал в Московском Совете (последнее выступление Ленина 20 ноября 1922 года. — Р.К.). Ты, вероятно, читал его речь. Триумф был необычайный. Овации длились более десяти минут. Дело было в Большом театре» (Большевистское руководство, Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 269). Но приближалась трагическая развязка...

Ленин не забыл свою старую просьбу и ее повторил. Поскольку в партийных кругах было принято скрывать желание его с наступлением немощи отравиться, Хрущев имитировал разрыв Ленина со Сталиным уже после записки 5 марта 1923 года. Так тайна породила ложь. На лжи в страну в конце концов въехала контрреволюция.

В действительности история составляется не из одних броских зигзагов, она состоит в поддержании непрерывных общественных отношений — материи социальной жизни. Не перестаю удивляться тому, как под Хрущева, а потом и под Горбачева подстраивались коллеги-обществоведы. Так В.А. Куманев и И.С. Куликова в своей в целом интересной книжке на весьма острую тему утверждали, что «**после встречи в декабре 1922 г. Сталин ни разу у Ленина не был и не разговаривал с ним**». Однако сами же эти авторы, со слов Троцкого, пишут о возобновлении просьбы в конце февраля 1923 года и о соответственном сообщении Сталина на заседании Политбюро. Декабрь и февраль... Был или не был Сталин у Ленина и в феврале? Временная связь с изложением Куманева-Куликовой начинает рваться. «О том, что Сталин информировал Политбюро о личной просьбе к нему Ленина — дать цианистый калий ввиду роковой болезни, — сохранилось письмо генсека высшему руководству партии, — сообщают авторы. — Именно этот документ продемонстрировал по телевидению 21 апреля 1994 г. Д.А. Волгогонов, сопроводив передачу пространными комментариями, которые большей частью почти не имели отношения к обнаруженному письму». Хорошо еще, что у Куманева-Куликовой хватило здравого смысла скептически отнестись к обычным заушательским разглагольствованиям генерала. А где показано им письмо? Какова его датировка? Принималось ли по нему решение? Все эти **нормальные** вопросы перекрываются более чем странным заключением: «Больше к мысли о добровольном уходе из жизни после декабрьского (в последний раз говорилось о феврале!.. — Р.К.) приступа, судя по всему, Ленин не возвращался, однако не может быть (очень даже может. — Р.К.), чтобы где-то в глубине души у него не появилось чувство недоверия к тому, кто оказался свидетелем (кивок в сторону «плохого» Сталина — Р.К.) его минутной слабости». (Противостояние: Крупская — Сталин. М., 1994. С. 526–56, 57). Декабрь — февраль — декабрь... С официальным письмом Сталина затемнение. Дебри, да и только!

Могут разочаровать жаждущих: **недоверие к Сталину у Ленина не появилось**. Подобие прежних, глубоко доверительных отношений между ними (правда, деформированное наступившей немощью Ленина) все же восстановилось. Об этом свидетельствуют и публикуемое извинение Сталина от 7 марта и его трагическая записка членам Политбюро ЦК РКП(б) от 21 марта 1923 года. «Оппозиционное меньшинство ЦК ведет за последнее время системати-

СТАЛИН

Рукопись под таким названием недавно завершил Р.И. КОСОЛАПОВ. Работа содержит документальное опровержение ряда клеветнических версий троцкистско-хрущевской и горбачевско-ельцинской про-

... читаем мы у Лопухина

И. Сталин. (Известия ЦК КПСС. 1989. №12. С. 199, 193).

«Ответ Сталина поразителен по прямолинейной циничности», — читаем мы у Лопухина (Болезнь... С. 29). Мне так не кажется.